

На правах рукописи

Капустина Екатерина Леонидовна

**Трудовая миграция из сельского Дагестана как хозяйственная практика и
социокультурное явление**

Специальность 07.00.07

Этнография, этнология и антропология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2013

Диссертация выполнена в отделе этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Научный руководитель:

Старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера), кандидат исторических наук Сергей Анатольевич Штырков

Официальные оппоненты:

главный научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея, доктор исторических наук Владимир Александрович Дмитриев
заведующий отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, доктор исторических наук Магомедхан Магомедович Магомедханов

Ведущая организация: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Защита состоится «__» _____ 20__ г. в __ часов на заседании диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии Наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии Наук.

Автореферат разослан «__» _____ 20__ г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

А. И. Терюков

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы

Интерес к миграционным процессам во всем мире обусловлен их масштабностью и значением для различных аспектов жизни общества. В особенности этот тезис верен для прошлого столетия, ведь именно XX век именуют «веком миграции»¹. Миграционные процессы нередко определяются как главные причины и факторы социальных изменений в мире². В этих условиях всестороннее изучение миграций стало одним из актуальнейших направлений в гуманитарных и социальных исследованиях.

Для российского общества актуальность исследования миграций, в том числе и происходящих внутри страны трудно переоценить. По оценкам демографов, в 1990-е годы три четверти всех миграционных перемещений приходится именно на внутривнутрироссийскую миграцию³. В этом контексте Северный Кавказ играет весьма значительную роль, т.к. его республики на протяжении последних десятилетий являются для страны регионами-донорами, где миграция исчисляется десятками и даже сотнями тысяч человек, и к тому же обсуждается на уровне как правительственного, так и общественного дискурсов, формулируется как в терминах угрозы для экономики, этнического баланса и даже безопасности России. А.Г. Осипов отмечает: «...российский Юг давно стал наглядной иллюстрацией публичного говорения о миграционных "проблемах", и в таком качестве его и следует рассматривать»⁴. Большой процент мигрантов из северокавказских республик в последнее десятилетие приходится именно на трудовую миграцию.

Диссертация посвящена трудовой миграции, чья специфика определяется уходом мигранта из места постоянного проживания в другие, часто очень отдаленные населенные пункты, для работы, за которую планируется получить определенное материальное вознаграждение. Трудовая миграция не связана напрямую со сменой места жительства, по крайней мере, на первоначальном этапе, она чаще всего кратковременна и предполагает возвращение мигранта в местность исхода⁵. В данной работе внимание будет обращено на феномен трудовой миграции в Республике Дагестан, исторически являвшемся и являющимся

---

¹ Castles S., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. London; Macmillan. 1996. P.3

² Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М., 2004. С.5.

³ Мкртчян Н.В. Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты // Мир России. 2003, №2. С.153

⁴ Осипов А.Г. Идеология "миграционной политики" как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии", Вып. 155. М., 2002. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.igpi.ru/info/people/osipov/krasnodar_stavr.html#_ftn1

⁵ Трудовая миграция в России / Миграция в России. Вып. 2. М., 2001. С.4.

в настоящее время одним из самых значимых субъектов-реципиентов страны, большое число экономически активного населения которого активно вовлечено в этот процесс⁶.

Все вышеприведенные факторы дают возможность утверждать, что изучение феномена трудовой миграции в Дагестане на сегодняшний день весьма актуально.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования выбрана практика трудовой миграции в Дагестане. Предмет исследования – это хозяйственное и социокультурное значение этой практики для современного дагестанского сельского сообщества.

Хронологические и территориальные рамки исследования

Основное внимание в диссертации обращено на современное развитие практики трудовой миграции, т.е. миграции постсоветского времени (1990-2010 -е гг.). При этом представляется необходимым представить развитие практики дагестанского отходничества второй половины XIX – середины XX века в контексте истории социального явления и вопросов, связанных с преемственностью практик.

В работе рассматривается общedaгестанский опыт трудовой миграции из сельской местности. Большая часть материала касается горных районов преимущественно западного, а также равнинного и центрального Дагестана. Материал по Южному Дагестану будет привлекаться в меньшей степени.

Цель исследования — рассмотрение феномена трудовой миграции в сельском Дагестане как значимой хозяйственной и социокультурной практики.

Задачи исследования

- описание истории дагестанское отходничества/трудовой миграции второй половины XIX - конца XX веков,
- рассмотрение механизмов функционирования трудовой миграции в республике (численность, вид деятельности, ареал распространения, маршруты, определение сезонов, особенности быта и организации промыслов) в контексте современного экономического развития горных районов сельского Дагестана.
- изучение трудовой миграции в качестве специфической социальной стратегии сельчан, а также влияния ее на процесс культурной трансформации в селении, в частности, определение роли отходника в сельском сообществе и специфики его взаимоотношений с односельчанами.

---

⁶ Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эфендиев И.И., Эльдаров Э.М. Отходничество жителей сельских районов Дагестана // Труды географического общества Дагестана. Вып. XXXV. Махачкала, 2007. С.19.

- рассмотрение различных видов такого значимого для мигрантов института как диаспора в контексте функционирования социальных сетей трудовых мигрантов.

Степень изученности темы

Исторически основные теоретические подходы к теме миграции выработаны с учетом задач и научных парадигм экономики и социологии (макроуровневая теория, микроэкономическая теория индивидуального выбора, теория «толчка-притяжения», теория двойного рынка труда). Для задач данного исследования полезными оказались выводы О. Старка, Е. Катца (новая экономическая теория миграции) о том, что доход имеет неодинаковую степень важности для человека и что домохозяйства часто посылают своих представителей в другие регионы не только для того, чтобы заработать денег, но и в целях повышения социального статуса мигранта⁷. Данная теория учитывает особенности миграционного поведения семей в той или иной социальной или этнической группе, однако, вместе с этим, как отмечает Т.Н. Юдина, нельзя анализировать внутрисемейные отношения в отрыве от внесемейных, в особенности в отрыве от институтов миграции⁸. Принципиально новый, структурно-исторический, подход сформулирован С. Кастлесом, Г. Косаком и М. Николинокосом и рассматривает миграцию как систему, в рамках которой все части мира связаны человеческими потоками и противопотоками. Миграция стала, таким образом, оцениваться не как единичное действие, а как динамический процесс, чьи объемы и направления определяются государственным регулированием и уровнем индустриального развития отдельных стран; однако люди рассматривались лишь как пассивные участники миграционного процесса. В ходе критики как этой теории, так и вышеописанных, в 1980-е годы появляются концепции, направленные на изучение миграционного процесса через понятие социальных сетей. Так Д. Мессей развивает идеи, связанные с международной трудовой миграцией, в частности, что наиболее эффективными миграционными единицами являются не индивидуальные агенты, но сети⁹.

Исследователи Чикагской школы В. Томас, Р. Парк и их коллеги изучали внутреннюю организацию и функционирование мигрантских сообществ¹⁰, отмечали феномен переноса мигрантом в принимающее сообщество многих элементов и нормативов из родного

---

⁷ Katz E., Stark O. Labor migration and risk aversion in less developed countries // Journal of Labor Economics, Vol. 4, No. 1 (Jan., 1986), P. 141.

⁸ Юдина Т.Н. Социология миграции... С.53.

⁹ Сафонова М.А. Концепции функционирования мигрантских сообществ в американской социологии // Социологические исследования. 2012, №5. С.106-116, Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. An Evaluation of International Migration Theory; The North American Case // Population and Development Review, 1994, P. 699—751.

¹⁰ Парк Р. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т.2. № 3. С.13-18.

сообщества и стремление поддерживать свой социальный статус не только на новом месте, но и на родине¹¹.

М. Бойд была одной из первых, кто обратила пристальное внимание на изучение социальных сетей применительно к миграционной тематике. Она отмечала, что изучение социальных сетей, особенно имеющих отношение к семье и домохозяйствам, позволит понять миграцию как социальный продукт – т.е. не только как индивидуальное решение, принятое индивидом-актором, и не только как результат действия экономических или политических процессов, но больше как следствие взаимодействия всех этих факторов. Характер миграции обусловлен исторически сформированными социальными, политическими и экономическими структурами как отправляющего, так и принимающего обществ¹². Многие исследователи вслед за ней начали интересоваться так называемым мезо-уровнем, где факторы микро (индивид) и макро (государство) уровней анализа могут быть интегрированы¹³.

В контексте изучения социальных сетей актуальной становится концепция транснационализма, который определяется как социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы, а транснациональная миграция – как модель миграции, где мигранты, пересекая международные границы и оседая в новой стране, сохраняют социальную связь со страной своего происхождения. Базовые понятия «трансмигрант» и «транснационализм» ввели в научный оборот Н. Глик Шиллер, Л. Баш и К. Бланк-Зантон, подвергнув сомнению тезис, распространенный в классических социологических исследованиях, согласно которому сообщества рассматриваются как локализованные и связанные с локальной культурой. Для того чтобы стать частью принимающего сообщества, мигранты должны приспособливаться или ассимилироваться в местную культуру¹⁴. Согласно этой концепции, (транс)мигранты могут поддерживать изменчивые формы отношений в нескольких местах пребывания, часто активно существуя в двух и более обществах¹⁵. Концепция би- или мультилокальности определяет миграцию как «проект расширения пространства деятельности акторов ... и само

---

¹¹ Thomas W.I., Park R.E., Miller H.A. Old world traits transplanted. Montclair, N.J. 1971, Сафонова М.А. Концепции... С.109.

¹² Boyd M. Family and personal networks in international migration: recent developments and new agendas // International Migration Review, 1989, Vol. 23, No. 3. P. 642-644

¹³ Zontini E. Transnational families, migration and gender. Moroccan and Filipino Women in Bologna and Barcelona. New York, Oxford, 2010. P. 31.

¹⁴ Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C. Towards a transnational perspective on migration. New York, 1992, Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2008.

¹⁵ Zontini E. Transnational families... P. 36.

миграционное пространство, открытое или создаваемое между местами жительства превращается в один из главных исследовательских интересов»¹⁶.

Вышеописанные теоретические подходы и конкретные выводы использовались в данной работе и оказали влияние на формулирование исследовательских задач диссертации.

Необходимым стало изучение и российской историографии темы трудовой миграции. Масштабы массовой миграции населения на постсоветском пространстве спровоцировали появление множества работ российских исследователей по этой теме. Примечательно, что большое количество работ посвящено экономическим и социальным последствиям миграции на макроуровне и выполнено на основе, в основном, количественных данных¹⁷. Ряд публикаций посвящен различным правовым аспектам – например, проблеме нелегальной миграции (например, статья А.Г. Осипова «Что в России означает понятие “регулирование миграции”»¹⁸). Отдельный корпус работ связан с изучением диаспор мигрантов. Применительно к теме диссертации в этом контексте примечательна статья В.И. Дятлова «Трудовые миграции и процесс формирования диаспор в современной России»¹⁹, где автор определяет трудовую миграцию как основной механизм диаспоростроительства в современном российском городе. Проблемы формирования и функционирования современных национально-культурных автономий рассматривает А.Г. Осипов в своей монографии «Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты»²⁰.

Сам феномен дискурса о мигрантах и «этнической миграции», не только обывательский, но и юридический, а также масс-медиа, становится объектом изучения²¹.

Велико число исследований, которые посвящены взаимодействию мигрантов и коренного населения, адаптации и инкорпорации мигранта в принимающее общество. Для данной работы примером изучения такой проблемы как роль диаспоры в жизни мигранта

---

¹⁶ Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство. СПб., 2004. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.cisr.ru/files/publ/Migr_Kaiser_Brednikova.pdf

¹⁷ Например, Трудовая миграция в СНГ: социальный и экономический эффекты. М., 2003.

¹⁸ Осипов А.Г. Что в России означает понятие «регулирование миграции» // Миграция и национальное государство. СПб., 2004. С. 15-45.

¹⁹ Дятлов В.И. Трудовые миграции и процесс формирования диаспоры в современной России // Трудовая миграция в СНГ: социальный и экономический эффекты. М., 2003. С.227-232.

²⁰ Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2004.

²¹ Осипов А.Г. Идеология "миграционной политики" как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии", Вып. 155 - М.: ИЭА РАН, 2002. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.igpi.ru/info/people/osipov/krasnodar_stavr.html#_ftn1, Ивлева И.В Трудовые мигранты в городской экономике // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 3. С. 128-149, Карпенко О. Как и чему угрожают мигранты? Языковые игры в «гостей с юга» и их последствия // Миграция и национальное государство. СПб., 2004. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.cisr.ru/files/publ/Migr_Karpenko.pdf, Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002, № 2, Т. 3. С.74-81.

оказалась книга Е. Деминцевой «"Быть арабом" во Франции», посвященная проблеме взаимодействия магрибинского мигрантского и французского сообществ в Париже²². В этом контексте также следует отметить работы О.В. Змеевой и И.Ю. Котина²³. Исследованию адаптации мигрантов в принимающем обществе посвящена диссертация А. Алиевой «Дагестанские переселенцы на Ставрополье во второй половине XX века»²⁴, однако приведенные в ней данные носили общий характер, а быт временных мигрантов не рассматривался вообще, вследствие чего ее практически невозможно было использовать в данной работе.

Особенность многих (но не всех) социологических исследований кроется в пренебрежении данными качественных исследований и невнимании к отправляющему мигрантов сообществу и локальным особенностям этого сообщества. В этой связи примечательна статья М.А. Шабановой «Современное отходничество как социокультурный феномен»²⁵. Определяя некоторые функции сезонной миграции, автор подчеркивает, что зачастую именно культурные реалии и нормы (дорогие ритуалы, вопросы престижа, интенсивность социальных связей и т.д.) подталкивают, в частности, кавказцев на занятие им. Задачи статьи в значительной степени приближены к заявленным в диссертации, но формат публикации позволил автору лишь обозначить некоторые пути их решения. В данной работе эти темы рассматриваются более подробно и на основе дагестанского материала.

Непосредственно дагестанской трудовой миграции посвящена статья Ш.М. Алиева и его коллег «Отходничество жителей сельских районов Дагестана», написанная на основании количественных данных, собранных авторами²⁶. Статья дает возможность оценить масштаб явления и тенденции его развития, но не позволяет ответить на ряд вопросов, связанных с влиянием трудовой миграции на социальную и культурную жизнь сельчан. Общий обзор трудовой миграции в контексте исследования дагестанского рынка труда представил в своей статье Ш.С. Мудуев²⁷.

---

²² Деминцева Е. «Быть арабом» во Франции. М., 2008.

²³ Змеева О.В. Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Северею Апатиты, 2011, Котин И. Ю. Тюрбан и «юнион джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. СПб., 2009.

²⁴ Алиева А. В. Дагестанские переселенцы на Ставрополье во второй половине XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2004.

²⁵ Шабанова М.А. Современное отходничество как социокультурный феномен // Социологические исследования. 1992. №4. С.52-62.

²⁶ Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эфендиев И.И., Эльдаров Э.М. Отходничество ...С.17-30.

²⁷ Мудуев Ш.С. Миграция и рынок труда в Дагестане // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. 2003. Электронный ресурс. Режим доступа http://migrocenter.ru/publ/trud_m/012.php

Внимание к современной трудовой миграции из Дагестана в контексте социальной реальности и на основе этнографических данных уделяется в статьях А.А. Ярлыкапова²⁸, В.О. Бобровникова и других.

Помимо работ по миграционной тематике в диссертации широко использовалась литература этнографического характера, посвященная различным культурным и социальным реалиям Дагестана. Из дореволюционных изданий, в которых уделялось внимание дагестанскому отходничеству, следует отметить труды О.В. Маргграфа²⁹, Н. Трипольского³⁰ и других. Источником сведений об отходничестве стали издававшиеся в Темир-Хан-Шуре с 1880-х по 1915 годы «Обзоры о состоянии Дагестанской области»³¹. Следует отметить труд «Отходничество Дагестана в конце XIX – начале XX веков» М.Ш. Шигабудинова, единственного исследователя дагестанского отходничества дореволюционного периода. В работе автор освещает вопросы о масштабах и причинах отходничества, главным образом, промышленного, и участия отходников в революционном движении на Кавказе. К сожалению, при жизни автора была опубликована лишь небольшая брошюра, а рукопись работы хранится в архиве Дагестанского Научного Центра³².

Сведения этнографического характера, посвященные особенностям хозяйственного уклада и социальных отношений жителей Дагестана, были почерпнуты из книг Ю.Ю. Карпова³³ В.О. Бобровникова³⁴, М.А. Агларова³⁵, М.-З.О. Османова³⁶, М.М. Магомедханова³⁷, и других.

Теоретико-методологические основания работы

В диссертации выбран антропологический (в социальном и культурном аспектах) ракурс изучения проблем миграции, предполагающий, что поведение мигрантов формируется под влиянием социальных, культурных и гендерных установок, и что мигранты сами являются активными агентами своего поведения, интерпретируя и конструируя его

²⁸ Ярлыкапов А.А. Нефть и миграция ногайцев на Север // Этнографическое обозрение. 2008, №3. С.78-81, Bobrovnikov V. Ethic Migrations and Problems of Security in the Republic of Dagestan // Caucasian Regional Studies, Vol. 2, Issue 1, 1997. Электронный ресурс. Режим доступа <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/eng/0201-03.htm>

²⁹ Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.

³⁰ Трипольский Н. Казикумухский округ // Медицинский вестник. 1864. №39-40. С. 369-381.

³¹ Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура, 1915.

³² Шигабудинов М.Ш. Отходничество Дагестана в конце XIX – начале XX веков. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3, оп.1, д.267.

³³ Карпов Ю.Ю. Горное дагестанское селение: от традиционного джамаата к нынешнему социальному облику // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. С.5-74, Магомедханов М.М. Дагестанцы. Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М., 2008.

³⁴ Бобровников В.О. Эволюция социальных и поземельных традиций хуштадинского джамаата в XIX—XX веках // Дагестан: село Хуштада. М., 1995. С.47-62.

³⁵ Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в, М., 1988

³⁶ Османов М.-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX в.). Махачкала, 1996.

³⁷ Магомедханов М.М. Дагестанцы. Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М., 2008.

внутри сообщества под давлением структуры³⁸. При таком подходе основными категориями анализа выступают индивид, домохозяйство, группа людей – сельское сообщество и сквозь их призму некоторые миграционные институты, т.е. микроуровневые и среднеуровневые категории.

Важной для решения исследовательских задач диссертации оказалась концепция изучения мигрантских сообществ, а также социальных сетей мигрантов. Кроме того, диссертационная работа опирается на положения концепции транснациональной/транслокальной миграции.

Основной методологической концепцией сбора и анализа материала стала так называемая «качественная методология», которую вслед за Т. Шаниным можно определить как «тип исследования, в котором наблюдаемые формы поведения соотносятся с поведенческой логикой (стратегиями) объекта изучения, включая смыслы и значения, придаваемые им (или ими) этим действиям»³⁹. В этой парадигме основными методами для сбора эмпирического материала для данного исследования стали метод интервью (как полуструктурированного, так и фокусированного), а также метод непосредственного наблюдения. В меньшей степени были использованы количественные данные, полученные из статистических сборников, данных переписей населения и работ исследователей.

В задачи исследования входило рассмотрение истории дагестанского отходничества последних полутора веков. Это обусловило широкое использование литературы исторического и этнографического характера, потребовало архивных изысканий и привело к использованию в работе сравнительно-исторического метода исследования.

Источниковая база исследования включает:

- Полевые материалы, собранные в 2005-2012 годах в Республике Дагестан, в Ростовской области, Ставропольском крае, в Нижнем Новгороде и Сургуте. Это аудиозаписи и конспекты интервью, а также наблюдения, зафиксированные в полевых дневниках.
- Архивные документы, обнаруженные в Центральном государственном архиве Республики Дагестан, Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, и в Национальном архиве Министерства юстиции Грузии (бывший Центральный государственный исторический архив Республики Грузия).
- Материалы СМИ (публикации в газетах и журналах)
- Интернет-источники (материалы с сайтов и форумов)

---

³⁸ Migration Theory. Talking across disciplines / Edited by Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. Routledge, New York and London. 2000. P.4.

³⁹ Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб., 2009. С.21.

Научная новизна

Настоящая работа является первой, в которой дагестанской трудовой миграции/отходничеству отводится главная роль и где это явление рассматривается на протяжении столь обширного исторического периода (вторая половина XIX – начало XXI вв.).

Анализ литературы показал, что дагестанская трудовая миграция характеризуется как заметное явление, но изучаются, в основном, проблемы в контексте демографических изменений в регионе, проблем безопасности и экономики. В данной работе акцент смещен в сторону определения социокультурного значения явления для региона. Такой подход к теме современной трудовой миграции в Дагестане можно считать новым.

Также стоит отметить, что при значительном числе работ, посвященных трудовой миграции в России, такие вопросы как влияние этой практики на отправляющее сообщество, с одной стороны, а с другой – зависимость стратегий трудовых мигрантов на местах заработков от социокультурных установок отправляющих сообществ еще недостаточно изучены. Тем не менее, недооценка этих вопросов приводит к недостаточно глубокому пониманию проблемы взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества – одной из самых злободневных тем в общественном, государственном и научном дискурсах. В моей работе внимание обращается не только и не столько на жизнь мигрантов в местах заработка, сколько на жизненные стратегии их и их домохозяйств дома, а через это - на изменения в жизни дагестанских сельских сообществ под влиянием практики трудовой миграции.

Новизна данного исследования определяется еще и тем, что в ходе полевой работы материал собирался при помощи качественной методологии, в отличие от большинства исследований трудовой миграции в регионе, базирующихся преимущественно на основе данных, полученных с помощью количественных методов.

Кроме того, в научный оборот были введены ранее не публиковавшиеся архивные материалы, а также полевые материалы автора.

Практическая значимость работы

Основные положения, выдвинутые в диссертации, могут быть полезны для подготовки лекционных курсов, спецкурсов и семинаров при изучении дисциплин этнографического и социологического характера, а также при создании учебных и методических пособий и рекомендаций для образовательных и культурно-просветительских учреждений.

Использование результатов данного исследования может быть рекомендовано для разработки программ и справок для правительственных и общественных комиссий, созданных для разрешения конфликтных ситуаций с участием мигрантов, в первую очередь,

из Кавказского региона, а также в целях профилактики и борьбы с ксенофобией в современном российском обществе.

Апробация результатов исследования

Основные научные выводы диссертационного исследования отражены в докладах, представленных автором на Лавровских среднеазиатско-кавказских чтениях (Санкт-Петербург, 2007-2011), на Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе» (Махачкала, 2-4 октября 2007), на Всероссийской научной конференции с международным участием «Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития», (Карачаевск, 07-09 ноября 2008), на международной конференции “Migrations-Society-Language”, (Мальмо, Швеция, 27-30 ноября 2008), на Европейском конгрессе социальных антропологов EASA 2010 “Crisis and imagination”(Майнот, Ирландия, 24-27 августа 2010), и на Европейском конгрессе социальных антропологов EASA 2012 «Uncertainty and disquiet» (Париж, Франция, 10-13 июля 2012).

Фрагменты диссертационной работы обсуждались на исследовательских семинарах факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (2006, 2007, 2008 гг.), на семинарах МАЭ РАН (Санкт-Петербург, 2009-2010 годы), а также на научных и практических межрегиональных семинарах, таких как региональные семинары Московской школы политических исследований «Глобальный Дагестан традиционная культура как институциональный ресурс в современном мире» (Махачкала, 12 ноября 2008) и «Институциональные препятствия модернизации» (Махачкала, 17-18 апреля 2009), на семинаре Центра RAMCOM и общественной палаты Российской Федерации «Равнина перед горами: люди и институты» (Москва, 26 марта 2012), на международном семинаре «Frontiers of Identity Assessing the Risks of Modernisation and Globalisation in the Caucasus» (Гент, Бельгия, 19 апреля 2012).

Структура диссертации

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и новизна работы, дается общая характеристика исследуемого явления, ставятся цель и задачи исследования, определяются основные термины, круг используемых источников и методы исследования, приводится историография исследуемой проблемы.

Первая глава **«История практики отходничества в Дагестане во второй половине XIX – XX веках»** посвящена особенностям дагестанского отходничества со второй половины XIX века и до второй половины XX века, поскольку именно тогда оно достигло своего расцвета, с одной стороны, и у нас появились источники, информирующие об этом, с другой.

В параграфе 1.1 на основании данных статистических обзоров и архивных изысканий исследователей делается вывод о том, что, несмотря на разночтения в подсчетах, на заработки уходила значительная часть мужского населения трудоспособного возраста. При этом число отходников из разных округов было неравномерным – отходничеством были заняты больше выходцев из Самурского, Казикумухского, Андийского и Гунибского округов, в меньшей степени – Даргинского, Аварского и Кайтаго-Табасаранского в связи с меньшей обеспеченностью первой группы территорий пашенными землями, а также с большей изолированностью второй от регионов, где отходники находили работу. Приводится обзор географии отходничества и разнообразия видов деятельности отходников.

В параграфе 1.2 предлагается обзор основных видов отходничества, распространенных в дореволюционном Дагестане, исходя из специфики трудовой деятельности. Больше внимания в работе уделено ремесленному отходничеству, весьма характерному для тех селений горного Дагестана, где имелось крайне ограниченное количество пашенной земли, а, с другой стороны, имелся доступ к ресурсам для занятия ремеслом. Наибольшую известность имели отходники, занимавшиеся ювелирным делом (как правило, казикумухцы и кубачинцы), а также оружейники. Мастера уходили на заработки и работали по всему Кавказу, особенно в городах (Владикавказ, Нальчик, Екатеринодар, Тифлис, Баку и другие). В частности, о значительном количестве дагестанских отходников-кустарей известно из материалов Тифлисской Казенной палаты и других документов, хранящихся в Национальном архиве министерства юстиции Грузии. Работали дагестанцы-кустари и в различных районах центральной России, а также за пределами Российской империи – в странах Европы, Ближнего Востока, Африки, в странах Центральной Азии и в Китае (ювелиры и оружейники). Краткая характеристика дана отходникам, занимавшимся рыболовецким промыслом, а также тем, кто работал на бакинских и грозненских нефтепромыслах и на промышленных предприятиях региона, отходникам, нанимавшимся сторожами, извозчиками, чернорабочими и полицейскими. Помимо этого приведены примеры участия отходников в сельскохозяйственных работах в регионе, приведена дискуссия исследователей о степени популярности такого отходничества у горцев. Отмечено, что этот вид отходничества также, судя по некоторым данным, был доступен и для женщин, тогда как в других отхожих промыслах горянки не участвовали. Сделан вывод, что маятниковые

миграции жителей высокогорной части Дагестана в долины Грузии и Азербайджана для зимнего выпаса скота неправомерно относить к отходничеству.

Делается вывод, что вдали от своего дома дагестанцы занимались практически всем, чем могли заниматься в своих селениях, к тому же осваивали многие другие виды деятельности, отвечая на потребности доступного им рынка. Однако есть и определенные ограничения: это, прежде всего, специфика рыночных заказов, территориальная доступность, вплотную связанная с политической ситуацией в стране, гендерная специфика промысла.

Помимо этого в параграфе 1.3 затрагивается вопрос о времени и сезонности ухода на заработки, делается вывод о предпочтении отходниками осенне-весеннего периода ухода на заработки.

В параграфе 1.4 внимание уделено и такому вопросу как статус и роль отходников в дагестанском обществе. Высказывается тезис о том, что помимо нищеты и малоземелья в горах были и другие, не связанные напрямую с неудовлетворительным экономическим положением горцев, такие как нужда в денежном заработке, который можно было потратить на фабричные товары или на проведение свадьбы. Среди отходников порой были и весьма состоятельные люди. Отходники также нередко воспринимались как агенты коммуникации между горным дагестанским селением и внешним миром. Возвращаясь с заработков, они приносили домой новинки городского быта и новости о других уголках империи и даже мира. Приводится дискуссия о позитивном и негативном влиянии отходничества на быт и поведение горцев-дагестанцев, начавшаяся еще в конце XIX века. В дореволюционных очерках, где речь шла об отходниках, часты были упоминания о нравственном разложении возвратившихся из отхода горцев. Работавших на территории Османской империи, государственные службы нередко подозревали в шпионаже и пантюркистских настроениях. В советской историографии, напротив, оценка влияния отходничества на дагестанское село опиралась, главным образом, на идею, что отходник являлся проводником революционных идей в деревню.

Параграф 1.5 посвящен истории отходничества в советский период. Продолжавшаяся в 1920-е годы, практика отходничества горцев не могла не претерпеть изменений в эпоху колхозного строительства в республике в 1930-е годы. Отходник-кустарь раздражал ориентированную на плановое хозяйство власть. Уходу на заработки из селения мешала и необходимость отрабатывать трудодни в колхозе, а также выделение земли тем, кто ранее ее не имел и обложение ремесленников-одиночек налогами, что заставило некоторых из них (лудильщиков, златокузнецов) прекратить занятие ремеслами или насовсем уехать в другие регионы страны. Но, несмотря на запретительную политику и сокращение масштабов

практика отходничества продолжала существовать. Со второй половины XX века можно говорить об увеличении числа отходников вследствие ослабления репрессивной политики и в условиях нехватки рабочих мест в колхозах и большей интеграции дагестанцев в советское общество. В качестве нового перспективного направления трудовой миграции появилась Средняя Азия. Сменились и виды заработков – вместо ремесленного отходничества более актуальным становится строительство, уборка урожая, работа чабана в Ставрополье и вахтовика в Сибири.

В заключении первой главы отмечается, что несмотря на смену политических режимов и социально-экономические изменения в Дагестане отходничество имело широкое распространение на протяжении всего рассмотренного периода - со второй половины XIX века до 1980-х годов, что дало предпосылки для нового этапа развития этой специфической практики в постсоветский период.

Во второй главе **«Трудовая миграция в конце XX - начале XXI века: виды и особенности»** идет речь о специфике современной трудовой миграции из сельского Дагестана, рассматриваются наиболее распространенные ее варианты и определяется экономическое значение этой практики.

В параграфе 2.1 приводится оценка количества трудовых мигрантов-дагестанцев. По оценке дагестанских социологов, именно горные районы, преимущественно Западного и Центрального Дагестана, являются регионом оттока основной части трудовых мигрантов.

В параграфе 2.2 дается характеристика основных направлений выезда трудовых мигрантов, актуальных в постсоветский период. В то время как бывшие союзные республики перестали привлекать дагестанцев-отходников и сами являются территориями-донорами, дагестанские мигранты предпочитают работать во внутренних регионах России. Существует и внутриреспубликанская миграция, когда жители, преимущественно, горных районов выезжают на временные работы в равнинные районы и города Дагестана. Вполне закономерное направление для трудовых мигрантов – Южный и Северо-Кавказский Федеральные округа, принимавшие почти половину трудовых мигрантов из республики. В Ставрополье и Калмыкию приезжают скотоводы, в Ростовскую область и Ставропольский край - овощеводы, в Астрахани занимаются торговлей, в республиканские столицы и в Краснодарский край едут строители, в чеченские селения - чабаны. Активно осваивается дагестанскими трудовыми мигрантами такое направление как нефтегазовые регионы Сибири, особенно города и поселки Тюменской области. Привлекают дагестанских мигрантов и крупные города Европейской части России, особенно Москва и Подмосковье, где дагестанцы работают в строительстве, на транспорте, в торговле и на различных

предприятиях. Выезды за границу – явление нечастое, и данных по этому вопросу явно недостаточно.

В параграфе 2.3 детально рассматриваются три наиболее характерных вида занятий временных трудовых мигрантов-дагестанцев на примере опыта нескольких дагестанских селений (на основании полевого материала автора). Для помещения практики трудовой миграции в широкий контекст дается характеристика рассматриваемых селений, в частности, приводится краткая историческая и статистическая справки, описание современного хозяйственного положения и земельной ситуации, а также некоторые другие аспекты социально-экономической жизни в селениях.

В параграфе 2.3.1. описывается один из самых популярных видов трудовой миграции среди жителей Нагорного Дагестана – выезд в равнинные районы ЮФО и СКФО (преимущественно Ростовская область и Ставропольский край) для выращивания овощей и бахчевых культур. В главе рассматривается опыт селения Хуштада, одного из наиболее вовлеченных в этот вид трудовой миграции селений Цумадинского района, жители которого занимаются выращиванием лука в Ростовской области с конца 1970-х годов. Приводится история лукового промысла в Цумадинском районе, дается объяснение выбора лука в качестве оптимальной сельскохозяйственной культуры для сезонных рабочих. Далее предлагается детальное описание всего цикла работ сезонных мигрантов-хуштадинцев и описание быта сезонных рабочих на полях Ростовской области. Специфика организации лукового промысла – ведение его бригадным способом при добровольном объединении семей пайщиков-арендаторов земли (специфика луковой трудовой миграции в том, что в ней участвует практически вся семья, хотя нередко на определенные виды работ члены ее выезжают по очереди). В связи с этим для исследования необходимым стало рассмотрение таких вопросов как выяснение способов формирования бригад, полномочий и обязанностей бригадира и других участников бригады (детально рассмотрен пример одной из хуштадинских бригад), определение влияния социального статуса и родственных отношений на специфику функционирования бригад, их гендерная и возрастная характеристики. Внимание уделено также случаям страхования односельчанами пайщиков, потерпевших неудачу на промысле, а также примерам взаимодействия между собой разных дагестанских (в данном случае цумадинских) бригад по некоторым хозяйственным вопросам. В результате можно отметить, что луковый промысел образца 2000-х годов имеет организованную структуру и четкие правила, по которым он развивается. Сформирована система, вовлекающая не только преимущественно родственные группы из одного селения, но и жителей других сел и даже районов, в других сферах жизни не пересекающихся.

В качестве примера другого распространенного вида занятий трудовых мигрантов из Дагестана был выбран строительный промысел селения Годобери Ботлихского района (параграф 2.3.2). Несмотря на то, что на строительные работы за пределы своих сел выезжает значительное число дагестанских мужчин, случай Годобери особенный. Поражают масштабы выезда, также значимо то, что в интервью четко прослеживается самоидентификация годоберинцев как строителей и восприятие их в качестве таковых соседями по району. В этом случае также рассматривается история строительного отходничества в областях центральной России и Туркмении. Более подробно описывается опыт современного строительного промысла. Определяются основные направления (чаще всего, Московский регион), сезоны выездов и факторы, влияющие на их смену, организация работы и быта мигрантов, структура и особенности формирования бригад, описывается правила поиска заказов, попытки защиты своих интересов в принимающем обществе. Годоберинские бригады при неких схожих чертах отличаются от бригад луководов. В частности, роль и статус бригадира здесь несколько иной, что связано со спецификой организации рабочего процесса. На примере Годобери поднимается вопрос об изменении типа хозяйства в горном селении в условиях, когда основной доход семьи получают не от сельскохозяйственной деятельности. Например, некоторые годоберинские хозяйства (особенно молодые семьи) уже не держат скот, а продукты питания покупают на доходы от строительных заработков у односельчан или у приезжающих из других сел и районов торговцев. Интересен и гендерный аспект этого вида трудовой миграции. В период существования колхозов женщины обеспечивали отходникам-мужчинам возможность выезжать надолго, отработывая в колхозах их трудодни. В настоящее время, если по разным причинам муж вернулся со стройки без заработка или с недостаточной для обеспечения семьи суммой, они выезжают в качестве наемных рабочих к луководам из соседнего Цумадинского района на сезонные работы в Ростовскую область. Строительная миграция является для всего населения Годобери базой, на которой основывается экономика домохозяйств и социальное обустройство жизни. Сделан также вывод, что активная вовлеченность годоберинцев в строительный бизнес и его финансовая успешность в равной степени не способствуют как развитию в селении сельского хозяйства, так и переселению горцев в равнинные районы республики, что выделяет Годобери среди многих горных селений Дагестана.

Третий сюжет, описанный в параграфе 2.3.3, посвящен практике выезда на заработки в Тюменскую область. Это направление открылось дагестанцам (преимущественно из северных – кумыкских и ногайских районов) с 1960-х годов, и в постсоветский период оно стало одним из самых привлекательных для трудовых мигрантов. После краткой

характеристики миграционной ситуации в регионе опыт трудовых мигрантов из Дагестана на севере рассматривается на примере поселка Львовский-1 Бабаюртовского района с привлечением примеров из других селений равнинной зоны Северного Дагестана. Описываются основные северные направления, актуальные для львовцев, виды работ, привлекающих трудовых мигрантов и специфика выезда – как правило, сельчане, отправляясь на север трудиться в нефтегазовом секторе, работают вахтовым методом, а занятые на других работах покидают селение на более длительный срок, чем луководы и даже строители. Специфика северных отъездов выражается в большем проценте официально трудоустроенных мигрантов, тогда как предыдущие два примера практически исключают такую возможность. Помимо стабильной зарплаты и «северных» пенсий мигрантов привлекают социальные блага и относительно качественное образование, предоставляемое в городах Тюменской области – это отражается на характере миграции.

Миграция на север, как правило, не предполагает объединения в группы, сельчане могут выезжать как поодиночке, так и со своими друзьями или родственниками, семьей, однако работают они, как правило, индивидуально. Что касается гендерной специфики, то особенность северной миграции заключается в том, что наряду с мужчинами на заработки отправляется большое количество женщин, как замужних (как правило, вместе с мужем, но также иногда и отдельно), так и незамужних. Женщины сравнительно легко находят работу в сфере обслуживания и на государственных должностях и часто не возвращаются в поселок в течение нескольких лет. Типичной является схема, когда родители в течение ряда лет работают на севере, а дети остаются дома в Дагестане на попечение бабушек и дедушек.

Кроме рассмотренных выше наиболее распространенных видов временной трудовой миграции кратко приводятся примеры других вариантов выезда на заработки.

После описания нескольких вариантов бытования практики трудовой миграции разных селениях в параграфе 2.4 обращается внимание на то, что зачастую выходцы из одного селения выезжают на заработки в определенные города или области страны и, как правило, заняты одним и тем же промыслом. Эта особенность может быть объяснена через концепцию социальных сетей, наличие которых позволяет человеку не только заниматься трудовой деятельностью вдали от своего постоянного места жительства, получать своевременную и достоверную информацию, но и просто отважиться на это, а, учитывая степень взаимодействия дагестанцев в формате своего сельского сообщества, использование социальных сетей, построенных по принципу сельской идентичности, становится еще более эффективным.

Важным выводом можно считать тезис, что выезды на север, для обработки луковых полей и даже на строительные работы при том, что их история насчитывает несколько

десятилетий, никак не могут считаться традиционными видами занятий для селений, где это практикуется, однако сейчас они в полной мере становятся частью сельской идентичности для всех, и участвующих, и не участвующих в трудовой миграции сельчан. В этой связи можно говорить о формировании новых хозяйственных моделей, актуальных для сельских районов Дагестана. Высказывается тезис о специфике восприятия экономической реальности, которая вдобавок хорошо «ложится» на привычный для дагестанцев образ Дагестана «исторического» как совокупности уникальных и непохожих друг на друга элементов, культурных, лингвистических, политических, и, в частности, региона, изобилующего традиционными ремесленными центрами. Вероятно, адаптируя этот стереотип, дагестанское общество вновь стремится зафиксировать за определенными селениями свою экономическую нишу, не отвергая порой старую. В результате, появляются новые хозяйственные бренды – такие как луководы Цумадинского района или строители Годобери. Эти тезисы подтверждаются в интервью с информантами, а также в примерах современного фольклора.

В параграфе 2.5 анализируется роль практики трудовой миграции как существенного элемента современной экономической системы в сельском Дагестане. Делается вывод, что личная деятельность мигрантов оказывает влияние и даже формирует саму социально-экономическую реальность в сельском Дагестане.

Домохозяйства современных дагестанских отходников можно назвать транслокальными. Под этим понятием подразумевается, что кто-то из семьи может зарабатывать вдали от дома, в то время как остальные сохраняют функции воспроизводства, социализации и другие у себя на родине⁴⁰. В контексте идеи трансмиграционного пространства, где мигранты и немигранты связаны вместе в комплексной сети социальных ролей и межличностных взаимоотношений⁴¹, можно отметить, что практика трудовой миграции влияет не только на членов одного домохозяйства, но и на структуру всей сельской и, шире, районной экономической системы. В условиях, когда значительная часть трудоспособных жителей селения выезжает на заработки за пределы Дагестана, для оставшихся создается возможность воспользоваться сельскими экономическими ресурсами. Решается проблема малоземелья в горах – на землю претендуют уже не все сельчане, вследствие чего улаживаются земельные конфликты и участки падают в цене. К тому же некоторым семьям предоставляется возможность заниматься производством продуктов питания, которые покупают семьи мигрантов, не занимающиеся сельским хозяйством. Значительные средства, привозимые мигрантами с заработков, также влияют на

---

⁴⁰ Zontini E. Transnational families... P.52.

⁴¹ Massey D. S.Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford: Clarendon Press, 2005, Boyd M. Family ... P.639.

ценообразование в селениях – и недвижимость, и услуги, и ритуалы становятся для сельчан намного дороже, развивается торговля.

Следует отметить, что уход на сезонные работы позволяет реализовывать право проживать и дальше на прежнем месте, а не мигрировать на постоянное место жительства в другое, в поисках лучшей доли⁴². Таким образом, можно резюмировать, что трудовой мигрант как часть социально-экономической реальности сельского Дагестана в какой-то мере способствует ее дальнейшему существованию в ее настоящем виде.

В третьей главе **«Трудовая миграция в контексте социокультурных особенностей современного Дагестана»** рассматривается влияние социокультурных особенностей дагестанского общества на функционирование практики трудовой миграции, а также влияние, которое она оказывает на дагестанское сельское сообщество.

В первом параграфе отмечается справедливость тезиса о том, что высокий уровень безработицы среди наиболее активной части жителей республики и значительный прирост населения является основным объективным фактором, обеспечивающим высокий уровень трудовой миграции из региона. Однако значительные показатели трудовой миграции за пределы Дагестана среди жителей сельских районов республики не могут быть объяснены только с точки зрения экономической выгоды. В этой социальной практике явственно отражается социокультурная специфика региона.

В параграфе 3.2 уделено внимание проблеме корреляции между рассматриваемой социальной практикой и элементами престижной экономики, характерными для дагестанского сельского сообщества. На основании данных полевых исследований высказывается суждение, что отъезд членов домохозяйства на работы вне дома не всегда является следствием пребывания этого домохозяйства на грани обнищания. Как правило, решение уехать на заработки принимается накануне определенных событий в жизни семьи, предполагающих значительные денежные траты – свадьба и учеба детей, постройка дома и т.д. Для значительного числа дагестанских мигрантов, с которыми проводились интервью, свадьба остается одним из главных побудительных мотивов к отъезду на заработки, она подразумевает значительные траты и для семьи жениха, и для семьи невесты. Если для глав семей основным стимулом для трудовой миграции служат вышеперечисленные нужды, то для молодых мигрантов важным является возможность заработать себе на личные нужды – в первую очередь, на одежду, бытовую технику и автомобиль. На примерах полевых материалов показывается, что именно автомобиль становится статусным объектом в селении, мерилем успешности вернувшегося с заработков молодого дагестанца. Это находит

---

⁴² Шабанова М.А. Современное отходничество ... С.52-62.

подтверждение в работах других исследователей кавказских реалий, находятся параллели и в исследованиях других сообществ⁴³.

В контексте изучения взаимосвязи между распространенностью трудовой миграции и спецификой престижного потребления, характерного для сельского Дагестана, внимание уделено такому культурному концепту как соревновательность и его роли в дагестанском обществе, нередко отмечаемой исследователями⁴⁴. В качестве наглядного примера рассмотрены принятые в сообществе социальные нормы, касающиеся свадебного ритуала, в частности, необходимость для членов сообщества придерживаться и по возможности превышать принятые в сельском сообществе размеры трат на проведение свадьбы, подарки и приданое. Необходимость следования этим нормам приводит к регулированию количества свадеб в зависимости от удачности сезонных заработков, а также вынуждает ранее не участвовавших в трудовой миграции сельчан примыкать к мигрантам, чтобы иметь возможность конкурировать с ними в сфере статусного потребления. Далее в параграфе приводятся и другие примеры влияния такой социокультурной категории дагестанского сообщества как дух соревновательности на бытование практики трудовой миграции.

Параграф 3.3 посвящен практике трудовой миграции как возможности найти компромисс между экономическими интересами и социальными установками, актуальными в сельском сообществе. Особенность социальных отношений в дагестанских селениях, связанная со спецификой политического устройства вольных обществ и концепцией узденства, состоит в стремлении индивида чувствовать себя равным всем членам общины, что не позволяет ему входить в зависимые отношения от односельчан, равных ему по происхождению, поскольку это может восприниматься как потеря своего «свободного» статуса. В этом случае уход на заработки в далекие области и наем на работу к людям, стоящим вне рамок сельской социальной иерархии (будь то жители другого района Дагестана или москвичи), становится компромиссом между социальными установками и финансовой выгодой. По этой же причине экономически выгодный, но непрестижный труд чабана не привлекает большую часть молодых горцев, предпочитающих тяжелую наемную, но, тем не менее, «невидимую» для их сельского сообщества работу вдали от дома. Таким образом, привычное восприятие цели миграции как реализации экономических стратегий, связанных с максимально быстрым обогащением⁴⁵, может считаться одной из важных, но не всегда основной. Сельские жители Дагестана помимо экономической выгоды в трудовой

⁴³ Margolis Maxine L. Transnationalism and popular culture: the Case of Brazilian Immigrants in the United States // *Journal of Popular Culture*, 1995. P. 29—41.

⁴⁴ Карпов Ю.Ю. Личность и традиционные социальные институты: принципы взаимодействия // *Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей*. СПб., 2004. С.123.

⁴⁵ Бредникова О., Паченков О. Экономические мигранты из Азербайджана в Санкт-Петербурге: проблемы адаптации и интеграции // *Caucasian Regional Studies*, Vol.4. Issue 1, 1999. Электронный ресурс. Режим доступа <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/rus/0401-04R.htm>

миграции порой видят и ряд социальных преимуществ, связанных, в частности, с изменением и/или поддержанием желаемого социального статуса в своем сообществе. Кроме того, поездка на заработки для многих молодых дагестанцев становится не только прибыльным делом, но и может восприниматься как инициация, проверка его успешности и взрослости.

В параграфе 3.4 отмечается ценность рассматриваемой практики для трудовых мигрантов через восприятие ее как азартной игры и рискованного мероприятия, достойного занятия для мужчины.

В параграфе 3.5, посвященном влиянию трудовой миграции на политическую жизнь горного селения, в частности, речь идет о степени участия в предвыборной борьбе на сельском и районном уровне бригадиров селений Хуштада и Годобери. Делается вывод, что активно и успешно участвующие в трудовой миграции бригадиры большую часть времени проводят на местах промысла и практически не имеют возможности уделять много внимания местным политическим делам, хотя у них есть некоторые рычаги влияния на односельчан, которые порой применяются в ходе политической борьбы. Однако, отмечается, что власть главы администрации в селении и бригадира на промысле, как правило, существуют параллельно, каждая в своих плоскостях.

Параграф 3.6 посвящен тем социокультурным изменениям, которые затронули горное селение в результате участия его жителей в трудовой миграции на современном этапе. Горное селение уже не является замкнутой системой, «традиционный» быт и поведенческие установки его жителей постоянно претерпевают изменения. И тем не менее различия между поведенческими установками в сельском Дагестане и в городах Центральной России существуют. В параграфе приводятся примеры того, что нередко поведение и поступки, к которым терпимо относятся в месте промыслов, считаются недопустимыми по возвращении в родное селение. С другой стороны, некоторые элементы социальной жизни, отошедшие в прошлое для горного селения, стали актуальными для трудовых мигрантов в местах временного проживания. Некоторые характерные социальные действия претерпевают изменения, происходят заимствования сельчанами культурных традиций, характерных для других селений Дагестана.

В четвертой главе «**Трудовые мигранты и диаспоры**» внимание уделено вопросу о степени и характере взаимодействий дагестанских диаспор и земляческих организаций с трудовыми мигрантами. В параграфе 4.1 уточняется терминология в отношении диаспор и землячеств применительно к рассматриваемой теме. В параграфе 4.2 на примере Ростовской области рассматривается дагестанская диаспора в условиях села и малого города. Диаспора воспринимается и создается как необходимое административное подразделение, через

которое местная власть пытается проводить «национальную политику». На примере одного из сел Ростовской области показаны основные направления действий сельской дагестанской диаспоры – разрешение конфликтов, в которых участвуют дагестанцы, в большинстве своем, трудовые мигранты, защита их интересов, помощь вновь прибывшим землякам. Показаны варианты взаимодействия сельской диаспоры и земляческой организации областного масштаба.

Параграф 4.3 посвящен особенностям формирования и функционирования диаспор дагестанцев в крупном городе на примере официальных дагестанских земляческих структур в Нижнем Новгороде и Сургуте. Подчас в одном городе существует несколько таких организаций, нередко конкурирующих между собой, часто их деятельность формальна или же направлена на удовлетворение личных нужд и амбиций их руководителей. Одной из важных целей своей работы официальные земляческие структуры, такие как Национально-культурная автономия представителей республики Дагестан, видят культурно-просветительскую деятельность, направленную на сохранение национальной культуры и воспитание молодого поколения. Защита интересов и предоставление реальной помощи землякам не считаются основными функциями организации, тогда как именно этого ожидают от нее дагестанцы, недавно оказавшиеся в регионе, в первую очередь, трудовые мигранты. Таким образом проблемы последних оказываются для официальных землячеств не только почти нерешаемыми в силу отсутствия необходимых ресурсов, но и нерелевантными. Подобная специфика официальных земляческих организаций отмечается и другими исследователями⁴⁶. В качестве альтернативы описанным выше структурам в параграфе 4.4 рассматриваются неформальные земляческие объединения выходцев из одного селения или района. Рассматриваются задачи и способы их решения, значимые для подобных объединений. Так община цунтинцев, работающих в Нижнем Новгороде выходцев из Цунтинского района, обеспечивает своим членам поддержку различного характера - от помощи при попадании в отделение милиции (полиции) до силовых акций - в рамках функционирования так называемых мигрантских сетей. Можно отметить, что поддержка членов сообщества не является безусловной. В некоторых случаях член сообщества осуждается, причем исходя из поведенческих установок этого сообщества, порой не совпадающих с понятиями государственной законности. При этом отмечается, что консолидация дагестанских мигрантов не в последнюю очередь является результатом проявления дискриминационной политики правоохранительных органов и рядовых граждан, когда для пораженных в правах мигрантов почти единственным способом устроиться на

---

⁴⁶ Бредникова О., Паченков О. Экономические мигранты ..., Осипов А.Г. Национально-культурная автономия... С.176-177.

работу становится поиск ее по диаспоральным каналам. Подобная ситуация раздражает «старожильческое» население. В этом ключе А. Осипов пишет о российском потребителски-защитном миграционном дискурсе, буквально все компоненты которого служат выработке и укреплению мигрантофобии и выстраиванию символической границы между "нормальным" обществом и источником проблем - мигрантами⁴⁷.

Параграф 4.5 посвящен еще одному варианту земляческих организаций - землячествам односельчан, формирующимся внутри республики, как правило, в столице Дагестана - Махачкале. Приводятся несколько примеров подобных объединений. В частности, «Общество Согратль» объединяет выходцев из селения Согратль Гунибского района, по структуре и характеру деятельности оно претендует на роль квазисельской общины – джамаата – пытаюсь объединить между собой выходцев из села, живущих в городах республики, с сельчанами, продолжающими жить в горах. Отмечается, что земляческие сообщества дагестанцев создаются и в виртуальном мире – в частности, создаются сообщества в социальных сетях, или открываются сайты, посвященные различным районам или даже отдельным селениям республики.

В параграфе 4.6 речь идет о таком явлении как возвращение мигрантов в Дагестан. Подавляющее большинство опрошенных в рамках данного исследования трудовых мигрантов из Дагестана определяет свое пребывание в месте заработка как временное, даже если здесь имеется жилье, здесь родились и учатся их дети, а сезонные заработки сменились постоянной хорошо оплачиваемой работой. Подобную стратегию исследователи миграции и диаспор называют «мифом о возвращении»⁴⁸, однако для дагестанских мигрантов это еще не миф. Снижение стоимости перемещений и развитие средств связи позволяют мигрантам поддерживать прежние отношения в отправляющем сообществе, и при этом создавать новые в принимающем⁴⁹. Как правило, мигранты возвращаются в родные селения к значимым для односельчан датам. Принципиальным моментом является обязательность похорон умершего на заработках мигранта в селении (или, по крайней мере, в Дагестане), это правило не нарушается ни при каких обстоятельствах. Именно похоронный комплекс обрядов играет роль мощного фактора консолидации разбросанных в городском пространстве людей.

Определяются две главные точки окончательного возврата на родину: время, когда молодому мужчине следует жениться и пожилой возраст, когда люди уже думают об уходе на покой и даже о смерти. Отмечается, что «возвращением» в дискурсе мигрантов-дагестанцев называется не только и не столько окончательный отъезд в тот населенный

---

⁴⁷ Осипов А.Г. Идеология "миграционной политики" ...

⁴⁸ Anwar M. *The Myth of Return: Pakistanis in Britain*. L., 1979.

⁴⁹ Сафонова М.А. Концепции функционирования мигрантских сообществ в американской социологии // Социологические исследования. 2012, №5. С.114.

пункт, откуда в свое время они отправились на заработки, но и переезд в города Дагестана, а также в равнинные районы республики.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и делаются следующие выводы:

- Трудовая миграция – явление, известное в Дагестане со второй половины XIX века и продолжающее быть актуальным для дагестанского общества до настоящего времени, несмотря на политические и экономические изменения в регионе. Можно говорить о некотором факторе преемственности между исторической практикой и современным явлением, поскольку сохранились некоторые социокультурные особенности устройства дагестанского общества, которые по-прежнему продолжают оказывать влияние на выбор стратегии поведения сельчанина в Дагестане. Различные виды занятий мигрантов формируют новые или поддерживают старые модели сельской идентичности, основанной на порой появившейся не так давно профессиональной специфике.
- Трудовая миграция занимает в хозяйственной системе сельского Дагестана свое определенное место, не уничтожая, а лишь внося порой существенные коррективы в ее устройство, тем самым, зачастую позволяя ей существовать и дальше в условиях меняющегося мира. В этом контексте важно отметить такие экономические функции данной практики, как решение проблемы занятости населения в сельской местности, а также ценообразования и формирования рынков в регионе.
- Трудовая миграция как социальная практика оказывает значительное влияние на социальные стратегии домохозяйств в частности и социальное устройство сельского сообщества в целом. Транслокальное сообщество, включающее жителей селения и трудовых мигрантов (и шире – переселенцев), их семей и тех, кто, напрямую не участвуя в миграционном процессе, тем не менее, зависит от него и вовлечен в эту специфическую социально-экономическую и культурную систему. Именно такой формат сообщества актуален для анализа реалий современного Дагестана, вследствие чего неправомерно рассматривать проблемы и особенности функционирования дагестанского сельского сообщества отдельно от изучения практики трудовой миграции.
- Сезонная трудовая миграция – не только способ заработать на хлеб насущный, но скорее возможность решить крупные задачи семьи как одного из основных акторов трудовой миграции. Она также позволяет поддерживать в селении образ успешного человека, продемонстрировать наличие всех престижных компонентов современной сельской жизни. Уход на заработки - это оптимальный компромиссный вариант

между экономическими потребностями и установками, диктуемыми спецификой социального устройства дагестанского сельского общества. Многие социальные запреты перестают работать, когда трудовой мигрант выходит за рамки своего сообщества. Эта практика также является причиной трансформации некоторых культурных норм, характерных для сельского Дагестана.

- Дагестанские земляческие организации и сообщества, как официальные, так и неофициальные, играют определенную роль в обеспечении возможностей и регулировании трудовой миграции дагестанцев за пределами республики и также нередко являются частью транслокальных сообществ.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

- монографии

1. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. «Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI вв., их социокультурные последствия и перспективы». СПб., 2011. 448 с. (Капустина Е.Л. - 8 а.л.)

- статьи в рецензируемых изданиях, включенных в список ВАК РФ

2. Капустина Е.Л. Трудовая миграция: экономическая стратегия и элемент социальной жизни (опыт современного горного Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2010, №1. С. 24-32 (0,6 а.л.)

- статьи в других изданиях

3. Капустина Е.Л. Земледельческие сезонные работы: практика Дагестана // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2007. С.60-63. (0,2 а.л.)

4. Капустина Е.Л. Современное отходничество Западного Дагестана: традиции, инновации, заимствования // Горские общества Кавказа: проблема социокультурного, политического и исторического развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Карачаевск, 2008. Т.1. С.250-258. (0,5 а.л.)

5. Капустина Е.Л. Практика сезонной трудовой миграции как механизм регулирования экономических и социальных отношений в республике Дагестан//

Демоскоп Weekly, № 355 – 356, 2008 <http://demoscope.ru/weekly/2008/0355/analit03.php>
(0,6 а.л.)

6. Капустина Е.Л. Сезонные трудовые сельскохозяйственные сообщества: социальное устройство и общественный ресурс (на примере с. Хуштада Цумадинского района Дагестана)» // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2009. С.263-270. (1 а.л.)

7. Капустина Е.Л. Горный район Дагестана: стратегии экономического поведения в конце XX – начале XXI веков // Лавровский сборник. Материалы XXXIII среднеазиатско-кавказских чтений 2008 – 2009 гг. К столетию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. Этнология, история, история, культурология. СПб., 2009. С. 431-434. (0,25 а.л.)

8. Капустина Е.Л. Отходничество в Нагорном Дагестане как социальное и культурное явление (конец XIX – начало XXI вв.) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2010. С.356-401. (3,5 а.л.)

9. Капустина Е.Л. Кубачи: судьба традиционного ремесла и современная миграционная стратегия сельчан // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 году. СПб., 2011. С.20-24. (0,3 а.л.)

10. Капустина Е.Л. Сельские землячества как элемент социальной структуры современной Махачкалы // Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы международной научной конференции (Каспийск, 18–19 сентября 2012 г.)./ Сборник научных статей. Махачкала, 2012. С.379-383. (0,4 а.л.)

11. Kapustina E. The “Temporary life” of Labor Seasonal Migrants from Western Mountain Dagestan to the Rostov area: Cultural Projection or Cultural Transformation Caucasus studies: Migration, Society and Language. Papers from the conference, Malmo University. Holmbergs, Malmo, 2011 P.91-96. (0,2 а.л.)